

ТЕХНООПТИМИЗМ И ТЕХНОПЕССИМИЗМ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Недорезов В.Г.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Ни один из известных среднесрочных технических прогнозов не оказался состоятельным. Прежде всего, потому, что неоправданно экстраполировал существующие тенденции развития техники на будущее. Ее развитие носило по своим параметрам взрывной и непредсказуемый характер. И если, за последнее столетие человечество стало свидетелем нескольких революций в естествознании, то постоянные революции в технике стали способом ее существования. Известно множество забавных примеров неудавшихся предсказаний.

Каждое значительное открытие порождало множество излишне оптимистических прогнозов его влияния на общество. Достижения в ядерной энергетике, исследования в области термоядерного синтеза, породили ожидания грядущего энергетического изобилия. Сейчас уже ясно, что коммерческое применения термояда откладывается примерно на пятьдесят лет.

Выход человечества в околоземное космическое пространство породил целую эпоху оптимистических мечтаний. К концу восьмидесятых годов XX века состоится полет человека на Марс. Середина девяностых - основание постоянного космического поселения на луне. «Незначительные», как тогда казалось, достижения космонавтики в обеспечении спутниковой связи, наблюдении за погодой и т.п., тогда не привлекли к себе внимания ни экспертов, ни общества в целом.

Вскоре возник целый жанр научно-фантастической литературы, захватывающе описывающей грядущую космическую экспансию человечества, его расселение по галактике. Конечно, у литературы есть своя правда – художественная. Она может являться психологически убедительной, но не обязана быть научно достоверной. Если в физике не произойдет новой революции, которая снимет ограничения теории относительности, то звезды навсегда останутся для нас недоступными. Человечеству нечего делать в космосе.

Очередной всплеск оптимистических мечтаний породило появление микропроцессорной техники. От искусственного интеллекта, до скромной мечты о безбумажном электронном офисе. Как оказалось, компьютеры увеличили количество бумаг. Их просто стало легче печатать. А вот использование систем искусственного интеллекта ограничилось применением узкоспециальных электронных экспертных систем.

Действительно, микропроцессорная техника оказала и продолжает оказывать огромное влияние на все сферы жизни людей. Исчезают одни профессии и появляются новые. Возникают новые формы бизнеса. Но..., в колоссальном количестве статей и книг о научно-технической революции, вышедших в начале восьмидесятых годов, не оказалось ни одной,

предсказавшей появление интернета в середине девяностых и описавшей масштабы его влияния на общество. Хотя первая сеть передачи данных Arpanet появилась в уже 1975 году.

Сейчас такой же оптимизм связывается с развитием самого интернета. Компьютерную революцию, о которой говорили раньше, срочно переименовали в телекоммуникационную. Заговорили о формировании интернет-сообществ, компьютерном неравенстве, новом информационном обществе и даже новой компьютерной меритократии. Это напоминает споры полувековой давности о том, что телевизор отменит книги, кино, театр и вообще все культурные развлечения. Конечно, телевидение многое изменило в нашей жизни, но важно другое. Оно не сформировало качественно новой цивилизации.

Какая техника в прошлом веке не просто повысила производительность труда, а радикально изменила социум, образ жизни, породила совершенно новые социальные техники? Телефон? Автомобиль и другие средства транспорта? Новые виды вооружений? Существует обоснованная точка зрения, что сети быстрого питания и огромные обезличенные магазины - гипермакеты изменили стиль жизни в сегодняшней Америке больше, чем многие другие изобретения человечества. Макдоналдс и Уолмаркет стали культурными символами глобализации.

Техника в последние двести лет оказывается решающим фактором, задающим темп, масштабы и направленность социальных изменений. Поэтому специальные технические прогнозы косвенно влияют на построение экономических моделей будущего, а те в свою очередь на построение социально-политических и собственно философских.

В философии весь двадцатый век характеризовался пересмотром классического философского рационализма, отказом от гносеологического оптимизма в философии истории. Некоторые из новых иррационалистических философий были талантливими и даже гениальными. Но они редко оказывались оптимистическими.

Технопессимизм существовал параллельно с технооптимизмом, не вступая с ним в открытый конфликт. Люди перестали верить в возможности человеческого разума, как это было в XVIII – XIX веках и в способность науки и техники исправить недостатки общества, «овладеть» историческим процессом. Несмотря на впечатляющие успехи науки XX века, появляется новый мистицизм, новые оккультные и религиозные течения. Становится влиятельным феномен паранауки: уфологии, астрологии, хиромантии и т.д. Это учения, которые мимикрируют под настоящую науку.

В двадцатом веке сформировалось новое философское направление – «философия техники». В нее включается проблематика разных отраслей философского знания: социальной философии, философских проблем естествознания и техники и т.д. Всех философов, которые ставили технику в центр своих социально-философских конструкций, относят к этому направлению.

В начале семидесятых годов в философии техники произошел коренной

переворот, пересмотр позиций, переоценка всех ценностей. Ранее большинство гуманистов связывали с техническим прогрессом опасные тенденции универсализации, массификации, стандартизации во всех сферах жизни общества. Капитализм – это «разум» без «души» и цивилизация без культуры. Общество превращается в огромную фабрику, подчиненную задачам рационального коммерческого расчета, культура становится суррогатным массовым продуктом, производимым поточным способом отраслями шоу бизнеса. Постепенно исчезают культурные, этнические и религиозные различия. Стираются национальные и государственные границы. Люди обезличиваются, становятся похожими друг на друга «солдатами» общества-казармы.

Подобное видение будущего тогда нашло свое отражение в массовом сознании и в художественной литературе. Появилось целое новое направление – социальные антиутопии, которое рисует будущее общество в мрачных, пессимистических тонах. Это А. Богданов («Красная звезда») с его жутковатым миром победившего коммунизма. Е. Замятин («Мы») с обезличенными людьми-номераами. О.Хаксли («О дивный новый мир») – мир наполненный запрограммированными быть счастливыми инкубаторскими уродами «из пробирки». Д. Оруэл («1984»), по мнению которого, ужасное тоталитарное общество полностью поглотит и раздавит индивидуальность человека.

Тревожные процессы отмечали самые различные философы. О. Шпенглер описывал закат культуры и появление «массы», толпы. Л. Мэмфод предсказывал дальнейшее развитие государства, как огромной бюрократической мегамшины. К. Ясперс писал о становлении к концу XX века единой в культурном и экономическом плане глобальной мировой империи. Позднее подобную критику технической цивилизации, как охватывающей человека «тотальности бытия» осуществляли: М. Хайдеггер, Г.Шельский, Х. Сколимовски, Эллюль, Франкфуртская школа и.т.д.

В эту схему укладывается и исторически более раннее экономическое учение К. Маркса, который на материале капитализма XIX века довольно убедительно показал наличие тенденции глобализации экономики и экспорта капитала. По его мнению, общественный характер труда, который в предшествующих экономических формациях существовал в скрытой форме, становится явным при капитализме. Основное экономическое противоречие, между производительными силами и производственными отношениями, приобретает при капитализме характер противоречия между общественным характером труда и частнокапиталистическим способом присвоения его результатов. «Абсолютное обнищание» людей наемного труда приведет к упрощению классовой структуры. Останется только два антагонистических класса пролетариат и буржуазия, которые «снимут» друг друга при переходе к коммунизму. И... «останется только один». Сделанный К. Марксом политический вывод о неизбежном «обобществлении труда» в «бесклассовом обществе» (или говоря другими словами, в обществе социально однородном с универсально одинаковыми людьми), коммунизме, как «скачке из царства необходимости в царство свободы», оказался неверным. Но он утвердился в

общественном сознании начала прошлого века и оказал огромное влияние на развитие общества. Как писал тот же К. Маркс: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

Две мировые войны, опыт технического и экономического развития в XX веке серьезно пошатнули веру в рациональность капитализма и в гуманность советского казарменного варианта построения коммунизма. Да и сам капитализм изменился. Сохраняя свои родовые сущностные черты, он, тем не менее, совсем не похож на себя, каким он был в начале и даже в середине прошлого столетия. А главное..., отчетливо проявилась отрицательная реакция общества на объективные тенденции развития техники.

Распалась несправедливая система колониализма. И..., многие страны скатились назад по уровню развития техники и технологии к традиционным, отвечающим их культурным традициям, формам ведения хозяйства. Говоря марксистскими терминами, в них утвердился смесь первобытно-общинного строя с коррумпированной колониальной диктатурой.

Позднее, исчезла советская социалистическая система. Причины ее распада сложные и неоднозначные. В том числе - это, несомненно, ее недостаточная технико-экономическая эффективность, невосприимчивость к техническим и социальным инновациям. Но, - это также привело к техническому регрессу («вынужденный отказ») в некоторых странах.

Отчетливо проявились различные формы негативной культурной реакции на прогресс: рост этноцентризма, национального сепаратизма, религиозного и политического экстремизма. Нарастает протест против глобализации. Все эти тенденции еще не получили достаточно фундаментального философского осмысления. Первой реакцией философии стало оформление в философии техники, с середины семидесятых годов, концепций будущего постиндустриального, информационного, постмодернового общества: Д. Бела, Э. Тоффлера, Г. Масуда, Ф. Фукуяма, С. Хантингтона и др. Они попытались осмыслить новые тенденции развития общества, часто прямо противоположные тем, что предсказывались ранее. Заговорили о футурошоке, культурной реакции на ускорение темпов социальных перемен. О распаде традиционных социальных институтов: школы, семьи и брака, трудового коллектива. О появлении новых социокультурных сообществ - локальных субкультур. Об иных формах ведения бизнеса. И даже, о новых способах кооптации элит в будущем, новой меритократии.

В истории человечества вера в божественное всемогущество сменялась верой в метафизическую философию, постигающую сокровенные тайны бытия, а затем в фундаментальную науку, открывающую законы мироздания. Неизменной оставалась парадигма прогресса.

Наука породила технику, инструментальный разум, которые подчиняют ее себе. «Проект просвещения» перестает казаться привлекательным. Появляются концепции, открыто декларирующие свое безразличие в отношении идеи прогресса (экзистенциализм, философская антропология). Социальный оптимизм заменяется культурным пессимизмом. («Отчаяние абсурда» А. Камю). «Занавес истории опускается». Наступает «постсовременность».